

Надежда Раупова

МОЙ «ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ»

Полотну Казимира Малевича «Черный квадрат» уже исполнилось 100 лет, на протяжении которых оно будоражит умы и порождает споры.

Надежда Раупова (Загрибельная) – художник-педагог, победитель конкурса по обновлению гуманитарного образования в Казахстане, отличник народного образования РК, автор базового учебника по изобразительному искусству, член Экспертного совета Международного фонда детского искусства (ICAF) в Вашингтоне предлагает собственный взгляд на «ЧК» и утверждает, что это предельно лаконичное по форме произведение, исключительно многогранно и активно требует от зрителя сопричастности – соавторства.

Всегда требуют, чтобы искусство было понятно, но никогда не требуют от себя приспособить свою голову к пониманию.

К. Малевич

«Черный квадрат» Малевича, на первый взгляд, предельно простое произведение, которое и произведением соглашается назвать далеко не каждый, вот уже на протяжении ста лет раздражает зрителя не только своей кажущейся простотой, но и назначенной и выплаченной за него ценой. Я подчеркиваю «назначенной» и «выплаченной», ибо эквивалентной цены произведениям искусства в природе не существует – кто и каким образом может найти денежный эквивалент одному из последних гениальных росчерков Дали в его «Полете ласточки» и двадцатилетней пригвожденности к одному полотну Александра Иванова?

Я знаю, что иногда шедевр или просто хорошее произведение может просто так, на ходу, мгновенно зацепить и навсегда поселиться в душе. Так однажды в детстве, раскрыв учебник по истории старшей сестры, я ахнула, увидев репродукцию скульптуры Давида Микеланджело. Это восторженное мгновенное «ах!» явилось реакцией не столько на эталон мужской красоты, сколько на еще плохо осознаваемую, но на каком-то высшем уровне чувств осязаемую всем детским существом гениальность автора. Так же отчетливо помню свою первую встречу с импрессионистами в Музее изящных искусств, когда мне показалось, что это не живопись, а кусок живой природы, окаймленный рамой. Это было настолько осязаемо, что хотелось протянуть руку и зачерпнуть густого лондонского тумана или ощутить на ладони теплый бархатный воздух Прованса. С этого времени твор-

чество импрессионистов навсегда вошло в мою жизнь со всей его трепетностью и ощущением быстротечности времени ....

Но так случается далеко не всегда и далеко не с каждым произведением. И шедевр может раскрыться в полной мере лишь после некоего сопротивления материала и преодоления труда познания. И Платон, и Сократ говорили: «Прекрасное сложно», – подразумевая именно то, что процесс постижения произведения искусства не так уж и прост и требует определенной работы ума и души. Есть произведения более сложные для восприятия, есть более легкие. Но и это еще не все. То, что сложно для одного, для другого просто, и наоборот. И дело даже не в образованности и подготовленности зрителя, а в созвучности, камертонности вашей души в данный момент некоему произведению. И то, что не трогает вас сегодня, может тронуть завтра или через год или гораздо позже, а может так и пройти мимо. Я, например, равнодушна ко многим признанным произведениям искусства и не стесняюсь об этом говорить, ибо, пока мне достаточно тех сокровищ, которые мне раскрылись. Но не исключаю возможности того, что пройдет какое-то время, и что-то из непонятого, непринятого, вдруг раскроется в неожиданной и ошеломляющей новизне, как однажды, раскрылся «Черный квадрат» Малевича, о котором сегодня мне хочется поговорить.

Это небольшое эссе – не попытка пристроиться в ряды тех, кто считает «Черный квадрат» шедевром и не попытка разуверить тех, кто считает его блефом, хитрым трюком художника. Это, скорее всего, попытка разобраться в том, чем же все-таки этот загадочный черный господин зацепил лично меня...

СУЩЕСТВЕННАЯ НОВИЗНА...

Конец 19-го – начало 20-го веков, хотим мы это признавать или нет, прошел в искусстве под знаком импрессионистов. Современный зритель, войдя в залы импрессионистов, никогда не будет шокирован тем, что увидит, как были шокированы посетители первой выставки. Почему? Да потому, что зрители конца XIX века ничего подобного до этого не видели, им были непривычны и кажущаяся незавершенность композиций, которые фрагментарно и как бы случайно выхватывали бытовые сценки и пейзажи, и заменивший классическую лессировку живой пастозный мазок, при близком рассмотрении образующий невнятную цветовую мозаику, и открытый чистый цвет – все то, что дружно и возмущенно критики и большая часть зрителей обозвали тогда мазней. Но вот прошло не так уж много времени зритель сам стал видеть мир иначе, он вдруг стал замечать вместе с художниками, как солнце щедро разбрасывает по траве сотни оттенков зеленого, как рябь на реке переходит от глубокого ультрамарина к светлой бирюзе, как изящен в своей тонкой игре черный цвет зонтиков парижских модниц. Взгляд постепенно научался наслаждаться игрой воздуха, света и цвета, динамичностью композиций, созвучных все убыстряющемуся темпу жизни с не так уж давно появившимися паровозами, укутывающих вокзалы в густой белый дым, мелькающими перед изумленными пешеходами авто. И вместе с ускоряющейся и изменяющейся жизнью из сознания зрителя вытеснялась скука заливанных классических пейзажей, где цвет лишь обозначает свою принадлежность к предмету, где композиции выстроены, как тяжеловесные театральные декорации. И вот мы уже второй век смотрим на мир глазами импрессионистов, тысячи художников известных и неизвестных, признающих или

не признающих импрессионизм, так или иначе, пишут в их манере! Но мир знает имена нескольких, первыми выставивших свои творения на Монмартре и давших название целому направлению

«Черный квадрат» для своего времени, как и полотна импрессионистов для своего, был абсолютно нов, тем и скандален, тем и заметен. До него подобных произведений, совместивших в себе предельный лаконичный контраст, предельную точность изображения (об этом чуть позже) и предельное единство формы и содержания, не было. Он появился очень вовремя. А что значит вовремя для искусства? Вовремя – это на секунду, минуту, день месяц, год раньше того, как он мог бы остаться незамеченным. Появись «Черный квадрат» сейчас, в 21 веке, после десятков самых различных «измов», во время пышного расцвета концептуализма, он не то, чтобы остался незамеченным, но мог бы оказаться одним из...

Но он появился в начале 20-го столетия, опустив черный занавес над тем, что было создано до него, и тревожно предвещая исчерпанность сюжетов, форм, идей зарождающегося века, стал предвестником концептуального искусства. На неумолкающие в течение ста лет возгласы тех, кто уверяет, что особого ума и таланта для того, чтобы нарисовать черный квадрат на белом холсте, не требуется, дескать, они тоже так смогут, хочу со всей ответственностью заявить: «Господа! Вы опоздали!» И что бы вы сейчас не предпринимали, какие бы точки, квадратики не малевали – это не заработает. У римлян есть выражение «Carpe diem», буквально означающее «срывай день», Малевич сумел его сорвать, вы – нет! Более того, за первым квадратом появился второй, третий, четвертый... появились круги и кресты, написанные тем же Малевичем, но был первый, который и стал не только откровением художника, но и, что не менее значимо, который явился откровением самому художнику. И неслучайно вот уже столетие он наиболее ярко знаменует изобразительное искусство 20 века, о котором так точно сказал Бодриар: «Может быть, современные художники, полагая, что делают произведения искусства, на самом деле, производят нечто иное?»

ВРЕМЯ И ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЯ...

Произведение искусства рассматривается не только через художественную, но и социально-временную призму. Ни одно произведение не может стать событием вне своего времени. Анатомически скрупулезная и духовно возвышенная «Джоконда» не могла явиться на свет в древнем Египте с его знаково-лаконичным изображением. Стремительно-живописный импрессионизм, не мог зародиться в недрах тягучего средневековья. Любое творение художника есть не только плод его творческого воображения, но и продукт (да простят меня за это сугубо материалистическое слово ценители изящного) совершенно определенного времени. Думаю, никто не будет отрицать, что каждый вид искусства имеет свой уникальный язык. И этот язык живет и развивается органично времени. К сожалению, многие зрители этого не учитывают, пытаясь оценивать произведения искусства. Думаю, многие из тех, кто восхищается «Последним днем Помпеи» Брюллова, не понимают, а следовательно, не принимают «Гернику» Пикассо. А ведь это два очень похожих по сюжету и по эмоциональной наполненности произведения – катастрофа, крушение привычного очага, ужас перед надвигающейся смертью, невозможность спасения, отчаянный

порыв все-таки выжить или хотя бы спасти ближних... Но язык в них абсолютно разный. Многие с большим трудом, но еще могут согласиться с тем, что два русских поэта Пушкин и Тредиаковский говорили на разных русских языках, но принять то, что художники тоже говорят на разных языках – как-то выше их сил или «ниже достоинства». «Черный квадрат» не мог появиться в другое время. Это произведение – дитя своего времени, и оно заговорило на языке своего времени лаконичном, дерзком, парадоксальном – будучи написанным, как живописное супрематическое произведение, оно демонстративно самим названием свергает живопись с многовекового постамента, будучи произведением изобразительного искусства, оно ничего не изображает. Возможно ли такое? В 20-м веке, веке сплошных парадоксов, – возможно.

Общеизвестно, что не самые дружеские отношения были у Малевича с этим господином в период его творческих мук и после его создания: «Я неделю не мог спать, есть, я хотел понять то, что я сделал», – таково признание самого художника. Он сам поначалу толком сразу не понял, что создал и был не меньше некоторых зрителей ошеломлен своим детищем. Но будучи настоящим художником, а следовательно, человеком чутким к истинной новизне, еще до конца не осознавая значения своего творения, он планирует в ближайшее время написать брошюры с целью предупреждения «своего первенства». То есть, на тот момент он уже понимает, что сказал в искусстве не просто нечто абсолютно новое, но и то, что будет иметь большое и долгое будущее. «То, что было сделано бессознательно, дает теперь большие плоды», – пишет он в письме своему другу Матюшину, автору музыки к опере «Победа над солнцем», с декорации к которой и началась история «Черного квадрата». И он не ошибся, его супрематические находки дали толчок авангардному течению в искусстве, его изобразительный язык с цветовой доминантой, лишенной какой бы то ни было смысловой нагрузки, основанной на эмоциональном восприятии стал полноправным языком самых разных видов дизайна, архитектуры, поп-арта.

ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ПОСТУПОК...

Итак, «Черный квадрат» появился на свет в то время, когда ко многим пришло понимание, что все, что уже создано, не может быть превзойдено, и в тоже время, когда безумно, безумно хотелось нового, по-настоящему нового, а не детских игр и взрослых бездарных заигрываний с формой. Подобного рода муки творчества известны многим, и тысячи честных художников, которые не могли творить, как Леонардо, Микеланджело, Ван-Гог и другие великие, попав в плен этого состояния, просто забрасывали свое творчество и переставали называть себя художниками. Думаю, примерно то же самое испытывал и Малевич. Он очень много искал, он пытался найти новое. «Повторить и творить» – это два непримиримых антонима для Малевича. Он не хотел повторять то, что уже было до него как в мире искусства, так и в предметном мире. Он хотел творить, причем творить с максимальной степенью свободы. Те, кто знаком с творческим путем Малевича, имели возможность наблюдать, как шел он к своей вершине, отсекая все лишнее, незначительное, изобразительное и в конце-концов доведя свои поиски до абсолюта «Черного квадрата». И он нашел в отличие от очень многих сдавшихся тот самый образ, в котором смог выкрикнуть в мир, как Гамлет в конце великой трагедии: «Дальше

– тишина!». Черный квадрат – это тот самый Рим, который «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез», это крик о том, что все, что было создано до него, до Малевича – выше того, что будет создаваться после. Это – творческая кода! Посему Черный квадрат – это не просто очень яркий художественный образ, имеющий очень определенное содержание, это еще и творчески очень честное и смелое произведение. Малевичу ничего не оставалось делать, как отчаянно честно намалевать на холсте декораций этот проклятый квадрат, перекрывая черным цветом весь цветной мир, и тем самым выкрикнуть в мир: «Я больше ничего не могу найти! Я больше ничего не вижу! Я не знаю, куда и как идти дальше! Я умываю руки!»...

ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЕМ...

...И произошло обыкновенное чудо – этот ступок протеста, отчаянья и неуемной творческой энергии начал работать! Он запульсировал и начал жить своей непостижимой жизнью шедевра. Но так казалось нам, зрителям. На самом деле он зажил нашей жизнью. На самом деле он был тем гениальным ничем, которое способно вместить в себя наше всё. Я в свое время пришла в восторг от мысли Синявского: «Пустота – содержимое Пушкина», фразы, вызвавшей бурю негодования в стане любителей глянцевого Пушкина, не задумывающихся о том, как же прав этот хитрюга Терц – ведь, чтобы писать так вдохновенно и легко, погружаясь в «вещество» своего творения, надо хотя бы на время его создания освободить себя от всего. Так вот я могу лишь перефразировать умницу Синявского – пустота есть содержание «Черного квадрата». И эта пустота, как сакраментальное место в зоне «Сталкера», выдает нам, хотим ли мы того или нет, наше Я. И если там, внутри нас, пустота, то эту пустоту мы видим и в тупом черном квадрате и готовы кричать и кричим: «Караул! Нас обманули, нас уверяли, что за этим что-то есть, а там ничего нет, король-то – голый!» И мы не подозреваем, что кричим «Караул» по себе... Для меня же лично «Черный квадрат» Малевича – это то самое *Non multa sed multum* («немногое о многом»), которое я всегда ценю в искусстве. И это «немногое» начинает активно провоцировать зрителя на сотворчество.

И зритель, пусть далеко не каждый (я уже писала об этом), вдруг попадет под магию этого черного непонятого проема, и в зависимости от душевного состояния в момент этого соприкосновения, кто-то увидит в этом простом черном квадрате космическую бесконечность, а кого-то поманит затягивающая воронка подсознания.

Кто-то увидит сплошной тупик отчаянья, как у Солоухина – хоть о стенку башкою, хоть кричи не кричи. Кто-то почувствует конец всего – черный цвет, цвет поглощающий все цвета, и черный, и белый цвет это цвета траура в различных странах, а кто-то – начало начал, черный цвет – сумма всех цветов, белый свет при разложении дает весь цветовой спектр – неслучайно в письме к Матюшину Малевич называет свое полотно зародышем всех возможностей.

Кто-то насладится необычайной гармонией белого фона и черного пятна – такую пропорцию невозможно выверить математически, ее можно поймать на высшем уровне художественного наития. Эта пропорция порождает абсолютно удивительное впечатление, что картина не имеет ни начала, ни конца. Ее черный проем уходит вглубь, в космическую бесконечность, а белый фон распространяется в двух измерениях, не ведая границ. Не случайно художник решил обойтись без традиционной рамы. Эта идеальная пропорция попросту уничтожила бы любую

раму – она оказалась бы совершенно лишней и, более того, неуместной и мешающей этой идеальной композиции.

Кто-то почувствует в этой работе необычайный покой: квадрат – самая устойчивая форма, а здесь квадрат в квадрате – усиливает эту устойчивость и незыблемость (в некоторые моменты жизни эту работу можно созерцать часами). Кого-то, напротив, черный квадрат на белом фоне – предельно контрастное сочетание, восемь углов, каждый из которых не равен 90 градусам – повергнет в смятение.

Почему «Черный квадрат» на протяжении почти ста лет будоражит умы и порождает споры? Потому что – это очень многогранное произведение, потому что, будучи предельно простым и лаконичным по форме, это произведение очень активно требует от зрителя сопричастности – соавторства, если хотите. Поэтому и такая непримиримость – кто зазвучал в унисон, то стал вечным поклонником, кто прошел мимо, не может поверить, что в такой простоте может скрываться нечто серьезное.

Не помню, кто писал, что картины не видят, не слышат, не разговаривают. Это так. Они молча и терпеливо ждут своего зрителя. «Черный квадрат» тоже ждет и находит... А когда находит, тогда и начинается самое интересное – начинается диалог, в котором зритель далеко не пассивный участник.

ЧЕРТЕЖНИК ИЛИ ХУДОЖНИК?

На Черный квадрат не надо смотреть, считают некоторые, дескать, это концепт и этим все сказано, достаточно его один раз увидеть, а потом долго размышлять... А я вот смотрю, увы, чаще на довольно хорошего качества репродукцию, так как не имею возможности часто смотреть в подлиннике (сразу уточню, я говорю о том, первом, что хранится в ГТГ). И каждый раз я поражаюсь мастерству художника. А оно, тому, кто хоть немного разбирается в законах изобразительной грамоты, очевидно.

Уже давно все знают, что ЧК – это вовсе не квадрат, что стороны его не равны, как и не равны углы. И злопыхатели указывают на это, как на очередной ляп художника-неумехи, которому лучше было бы так и оставаться чертежником и точнее вымерять углы и стороны, нежели лезть в художники. Но в том-то и дело, что Художник возобладали над чертежником, и художник знал, что наше зрение не совершенно и что мы визуально воспринимаем предметы далеко не такими, какие они есть на самом деле, что правильный квадрат воспринимается человеком, как прямоугольник, вытянутый горизонтально, да еще и с выпуклыми боковыми сторонами. Впрочем, это знают многие, и не только художники. Но только художник, причем художник с очень развитым чувством формы и пропорций, путем долгих поисков и все-таки скорее всего на некоем гениальном наитии сможет найти эту ...нет, не аптекарски, а, да простят меня физики, химики и художники за своеволие, наноточную пропорцию не только четырех, а восьми сторон (добавим сюда соотношение со сторонами белого пространства холста), найти этот микрон в изгибе линий, чтобы прямоугольник не воспринимался приземистой толстой бочкой. И ведь нашел! И ведь видим Квадрат – идеальный Квадрат, который на самом деле квадратом не является ни по каким параметрам – ни стороны не параллельны и не равны, ни углы не равны. Те, кто говорил, что смогут – сможете! Посмотрим, что у вас получится.

Меня всегда потрясает эта идеально найденная пропорция между черным и белым. Если добавить белого поля – «оклада», как говорили многие, считая, вслед

за Малевичем ЧК иконой нового времени, черный квадрат «поплывет», «зависнет» в белом пространстве холста и потеряет свою весомость. Если увеличить сам черный квадрат, он начнет «распирать» и теснить белое поле, опять-таки нарушив идеально найденную гармонию двух форм (четыреугольника в четырехугольнике) и двух цветов.

Малевич прекрасно владел законом контраста, зная, что контрастные цвета усиливают звучание друг друга. Знал он и о том, что на границе – в линии соприкосновения двух цветов – они звучат наиболее мощно, то есть, в этом месте должна возникнуть наиболее яркая полоса – посмотрите внимательно на квадрат – ее нет! Каким образом художник убрал ее? Одним малеванием, как смеют уверять многие? Без знаний законов и приемов живописи здесь никак не обошлось. Опять-таки, к тем, кто заверяет, что сможет – попробуйте! Попробуйте так живописно поработать над черным и белым цветом, чтобы убрать этот капризный эффект контраста.

Не буду утомлять дальнейшими подробностями свидетельств художественного совершенства этого произведения, незаметного невнимательному и неподготовленному глазу – уверяю, их – МНОЖЕСТВО...

А БЫЛ ЛИ МАЛЕВИЧ ПЕРВЫМ?

До Малевича черные квадраты и прямоугольники и ромбы писали не единожды. Был Роберт Фладд, написавший еще в 1617 году «Изначальную Тьму в момент перед Творением». Был Пол Билход с «Ночной дракой негров в подвале», был Алфонс Алле тоже со своими неграми и черными кошками, написанными ранее «Черного квадрата». Об их существовании, признаюсь, я узнала не так уж давно из всеведающего Интернета. Изменилось ли после этого мое отношение к «Черному квадрату» Малевича? Могу сказать совершенно определенно – нет, не изменилось. Мое мнение сформировано годами, основано на изучении творчества Малевича, на просмотре десятков его работ, на знании его разработок в поисках новых форм в изобразительном искусстве. А что есть искусство? Квадрат, намалеванный на заборе – это искусство? – кажется, подобный вопрос неоднократно звучал в связи с этим произведением Малевича. Нет, не искусство. Ибо искусство вырастает на муках творчества, на поисках некоего идеала. Любое значимое произведение искусства – это, в некоторой степени, новый манифест, и художник, если он действительно художник, что-то хочет своим произведением сказать миру. Мысль материальна, тем более материальна мысль, прошедшая через горнила душевных метаний и поисков, и зритель, так или иначе, смутно или отчетливо ее чувствует. Когда этой мысли нет, то и чувств ответных нет.

В основе работы Малевича лежал мучительный поиск новой идеи, отчаянье, гордыня, полное крушение своих надежд и очень честное признание беспомощности будущего искусства перед исторической громадой созданного. Но было и наитие, присущее лишь большому мастеру, было и озарение его величием цветом и ее величием формой, и был момент, когда все перечисленное и многое, что осталось неведомым нам, зрителям, слилось воедино, и рука с кистью выводила Черный Квадрат, являя его новому, еще не совсем понятному, тревожному миру. И так уж устроено любое произведение искусства, что форма в большей или меньшей мере становится и содержанием. И если она удачна и ярка, то и содержание наполняется сотней нюансов, так случилось с «Черным квадратом».

В основе работ А. Алле и П. Билхолда, как мне показалось, лежала шутка – это весьма остроумно, хотя и весьма оскорбительно для негров (за это слово «негр – нигер» можно и хорошенько расплатиться, по крайней мере, в Америке). И еще, в произведении важно все, включая название. Стоя перед четырьмя черными многоугольниками Альфонса Алле и Пола Билхода, я не стала бы размышлять, а улыбнулась бы изобретательности и юмору, но больше задумываться там мне было бы не о чем. Ромб Фладда, названный «Изначальная Тьма в момент перед Творением» наверняка зацепил бы меня совпадением точного названия и впечатляющего образа. Но само название уже исчерпало содержание картины и поставило рамки перед воображением зрителя, и дальше этого названия мысль идти вряд ли захочет.

Малевич не дал названия своему квадрату, это не ночь, не космическая бездна, не негры, не «черные кошки в черной комнате, когда их нет». Это просто – «Черный квадрат». Малевич гениален еще и тем, что он не стал навязывать никакого названия, никакого образа, никакого смысла, предоставив зрителю право самому наполнять форму содержанием, предложив зрителю «соавторство» и безграничную свободу воображения и мысли. И не оттого ли вот уже сто лет он не утрачивает своей актуальности?

«Стихи не пишутся – случаются», – очень точно обронил когда-то Андрей Вознесенский. «Черный квадрат» тоже случился. Но случился он не случайно, уж простите за каламбур. Он был подготовлен историей в целом и историей развития искусства в частности. И если 19-й век и самое начало 20-го прошли под знаком импрессионистов, которые по меткому наблюдению Малевича, рассеяли живопись, то весь 20 век прошел под знаком «Черного квадрата», который собрал живопись до предельно лаконичного и бесконечно свободного знака.

P.S. Я понимаю людей, которые говорят, что не понимают «Черный квадрат». Это вполне естественно – человек не может понимать всего. Я тоже очень многого не понимаю и не стесняюсь об этом говорить. А еще я не понимаю людей, которые, не понимая «Черного квадрата», видимо, очень боятся в этом публично признаться, а посему выбрали довольно странный способ «борьбы» с этим непониманием – они не находят ничего лучшего, как объявить это произведение профанацией, блефом, обманом и т. д., вместо того, чтобы просто честно сказать: «Я не понимаю»... Но могу ли я сказать, что понимаю «Черный квадрат»? Могу. Но... лишь с определенной оговоркой. Я понимаю его по-своему. Никому и никогда не было и не будет дано залезть в душу, в мозг любого художника. А посему, когда кто-то из нас заявляет, что он что-то понимает, это следует воспринимать лишь как озвучивание итогов своих размышлений, своих эмоции, возникших в связи с созерцанием того или иного шедевра и не более того. Я попыталась озвучить свои размышления...

Когда-то прочитала, что «ЧК» – это пощечина критикам. По-моему, это еще и пощечина ленивым зрителям. Такая освежающая оплеуха, побуждающая думать...

